

*Бирюков Р.А., магистрант
Ростовский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
Россия, г. Ростов-на-Дону*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ И ПРАВОВОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ

***Аннотация:** в статье выявлены некоторые аспекты модернизации российского законодательного процесса, определены важные факторы его институционального и функционального развития. Для изучения природы изменения отечественного законотворчества автор использует современные наработки в области государственно-правовой модернизации, постмодернизации, конвергенции и дивергенции разных национальных юридических институтов, принципов и идей.*

***Ключевые слова:** законотворчество, парламент, конвергенция, модернизация, дивергенция, правовой институт, законодательный опыт, правотворчество, консерватизм, либерализм.*

***Annotation:** the article reveals some aspects of the modernization of the Russian legislative process, identifies important factors of its institutional and functional development. To study the nature of changes in domestic lawmaking, the author uses modern developments in the field of state-legal modernization, post-modernization, convergence and divergence of various national legal institutions, principles and ideas.*

***Key words:** lawmaking, parliament, convergence, modernization, divergence, legal institution, legislative experience, lawmaking, conservatism, liberalism.*

Модернизация институтов российского законодательного процесса как в его ближайшей истории, так и на рубеже XX-XXI вв. не может проходить в ситуации правовой и политической изоляции, быть оторванной от международных реалий, «защищенной» от влияния глобализационных процессов в области государственного строительства, национальной правовой системы и более конкретно, в области законотворчества. Заметим, что это влияние, конечно, имело как деструктивную, так и конструктивную природу, поэтому должно оцениваться многоаспектно, диалектически. Тем более, что феномен «модернизации» предполагает несколько моментов, характерных не только для настоящего времени, но и для разных исторических эпох, периодов становления и развития различных государств, правовых систем:

1) модернизация – это всегда время «открытости» и повышенной «восприимчивости» *иного*, в данном случае *законодательного опыта* (в рамках западной или, безусловно, более далекой от нас – восточной традиции);

2) в ходе модернизации законотворческой деятельности имеет место неизбежное обновление национальных государственно-правовых институтов, элементов законотворчества, содержания законодательной техники, скорее всего, идеологических и правокультурных «констант», в ходе которого неизбежно происходит столкновение заимствованных (рецепированных) институциональных и неинституциональных элементов законодательной сферы с ранее имеющими ее компонентами, что, естественно, приводит к множеству противоречий, повышает уровень конфликтности и в итоге стимулирует создание рискогенной ситуации и в правотворчестве, и в правоприменении конкретного государства, в определенный исторический период;

3) в рамках возникшей еще в ходе Великих географических открытий (и доведенной до своего логического завершения Ф. Фукуямой и другими современными исследователями) «европоцентристской» парадигмы понимания «смысла и назначения истории» (К. Ясперс), содержания

различных цивилизаций, специфики правовой, политической и экономической жизни разных народов, модернизацию законотворческого процесса, как правило (и это, конечно же, имело место в постсоветской России) отождествляют с вестернизацией, сводят ее к хорошо известному еще с XVII-XIX в. «догоняющему» проекту, формулой которого здесь будет идея о том, что «прогресс в области законотворчества определяется тем, насколько этот процесс соответствует евроамериканским нормам, принципам, юридико-техническим приемам, критериям оценки качества законодательства и т.п.». Требования к организации законотворчества во второй половине XX в. стали рассматриваться в качестве *универсальных*, неких *общецивилизационных* норм, отход от которых суть правовой регресс;

4) опыт модернизации законотворческого процесса в ряде государств во второй половине XX в. убедительно показал возможность ее осуществления на собственных национальных структурно-институциональных и правокультурных основаниях (Китай, Южная Корея т др.), т.е. при минимизации «заемного» фактора. Такой вариант правовой модернизации в специальной литературе получил (во многом, условное) название *постмодернизации*¹, демонстрирующей «неединственность» и, соответственно, «неуниверсальность» западного пути преобразований в правотворчестве, правоприменении, систематизации НПА и интерпретации содержания юридических норм, что дало возможность формирования собственных подходов к структуре законотворчества, его принципам, правилам содержания НПА, требованиям к внутренней форме последних и др.

Ясно и то, что модернизация (в тех или иных ее вариантах) отечественного государственно-правового пространства в целом, и законодательного процесса в частности, вот уже более двух десятилетий проходит в условиях взаимодействия разных (советского права, отдельных правовых институтов дореволюционной России, романо-германской и

---

¹ Подробнее об этом см.: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

англосаксонской) правовых систем, которое, в свою очередь, можно представить в виде двух встречных процессов: *правовой конвергенции* и *правовой дивергенции*.

В свое время «наступление» на российское государственно-правовое пространство весьма остро ощущали отечественные консерваторы второй половины XIX-начала XX вв., такие, как К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев и др., перехватившие, в этом плане, но уже на другом уровне, славянофильские идеи первой половины XIX в. Здесь стоит вспомнить, что славянофилы (И.В. Киреевский, А. С. Хомяков и др.), как, впрочем, их идейные оппоненты – западники, крайне (а некоторые, умеренно) негативно относились к политико-правовому режиму Николая I, его ценностным установкам и государственно-правовым институционализациям, однако выход из ситуации им представлялся разным: западники видели его в масштабном заимствовании западно-европейских институтов и, прежде всего, конечно, парламентаризма и конституционализма (либерально-правовая стратегия государственного-правления), славянофилы же, напротив, считали, что имперский путь развития российского политико-правового пространства есть весьма трагическая ошибка в отечественной истории (законодательные реформы М.М. Сперанского – это значимый шаг не к романо-германской семье, а к «романо-германскому игу», как это позже обозначил Н.С. Трубецкой) и в плане государственных институтов, и в контексте выбора источников права, механизма правового воздействия и регулирования и т.п., их «генеральный» план суть возврат к допетровским государственно-правовым структурам и принципам, в том числе и в отношении законоотворчества. Они, во многом, идеализируют внепарламентский законодательный проект – «сословно-монархический» (через «соборное» единство царя, Земского Собора, РПЦ и Боярской думы).

В этом ракурсе, в отечественном социальном и духовном поле не было основ для, например, конвергенционных процессов в сфере законоотворческого

процесса, т.к. в ходе конвергенции происходит весьма заметная трансформация базовых институтов и принципов национального права, идет модернизация правотворческого и правоприменительного процессов. Хотя, трудно спорить с тем, что конвергенция права – это в полной мере закономерное явление, имеющее место на самых разных исторических этапах, в разных регионах мира. Проблема лишь в *масштабах* и глубине конвергенционных процессов, их *векторе, источниках* и т.д.

Хотя, можно отметить и то, что чаще всего, продуктивная (прогрессивная) конвергенция имеет место между близкими по содержанию и происхождению правовыми системами, правовыми культурами (например, европейскими), впрочем, современная глобализация стимулирует конвергенцию права и между принципиально отличающимися национальными правовыми системами, что может приводить к непредсказуемым негативным результатам (например, утрате той или иной правовой системой собственной культурной идентичности, рассогласованию правового регулирования общественных отношений и т.д.), однако известны и позитивные варианты конвергенции права (например, очевидное влияние на японскую правовую систему, включая и механизм законотворчества ряда важнейших романо-германских правовых институтов в конце XIX-начале XX вв.).

«Дивергенцию права... можно трактовать как сложный и многосторонний процесс внутреннего и внешнего взаимодействия элементов права и правовых систем, выраженного в расхождении организации форм права, требований правовых норм, а также частей единых или близких правовых систем общества»². Ясно, что в практическом плане конвергенция и дивергенция права теснейшим образом сопряжены, что обуславливает

---

² Третьякова О.Д. Факторы культуры в конвергенции права // Правовое регулирование отношений в сфере культуры, искусства и образования в XXI веке: Материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб, 2009. С. 15.

специфику развития национальных правовых систем, направленность и динамику их изменений.

Трудно спорить и с тем, что именно эти процессы определили и продолжают влиять на содержание, эффективность, результативность современного российского законодательства.

Использованные источники:

1. Третьякова О.Д. Факторы культуры в конвергенции права //Правовое регулирование отношений в сфере культуры, искусства и образования в XXI веке: Материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб, 2009.

2. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.